

Жемчуга

Автор: Дарья Виноградова

Мой сверстник останавливается у памятника Окуджавы. Стихи Пушкина льются из дедушки в чёрной шапке и синих рейтузах. Мой сверстник слушает, голову чешет — призадумался. Снег капает на макушку. Фонари рассеяны по Арбату, а чуть выше где-то звезда.

Мой сверстник стоял на Лыщиковой горе. Переглянулся с Пресвятой Богородицей. Да как закружила метель седыми хлопьями!

Мимо мчатся тени и вьются тучи, куда-то зовут, спешат. Туда, где плакучие ивы и расколотый лёд.

Мой сверстник спит, читает, идёт на учёбу, прямо как в стихотворении у Бориса Рыжего. Мой сверстник востепенится и оживёт, когда пыльца яблони ударит в нос.

Мой сверстник провожал самолёты взглядом, бежал за белой полосой. Но никуда не улетишь. Где ещё 23 февраля к тебе подойдет мама с ребенком, спросит: «Не хотите купить сердце?». Нигде не предложат такое, хоть плюшевое, пусть даже даром.

Мой сверстник откапывал Истину в пыльных сундуках: там красные звездочки, платки «Слава КПСС!», первомайские открытки. Но никак до Неё не доходил — мечтатель.

Мой сверстник лепил воздушный шар из лоскутков простыней бабушки. В ладонях оказывалось море, на волосах от ели иголки. Убегали кораблики к белому пароходу.

Мой сверстник живёт с друзьями на соседних улицах. Может, все повзрослели — выпустились, теперь мало видимся. Все чаще вспоминаю сонную берёзку из кабинета русского языка. И слоеную крону векового дуба. Мы на него забирались, рвали штаны и падали в лужу. Так над нами подшучивали дриады. Мама с бабушкой заштопают. Я сплю с книгой. Кто-то шкрябает дверь и мурчит — встаю. Только школы теперь больше не будет. Ветхая крыша, на стенах трещины — администрации не выгодно выделять деньги на капитальный ремонт. Яблони остались без крова.

Мой школьный друг поселился в институте, наизусть помнит Шекспира — актер. Дома бывает по 5 часов, пары до девяти. Горят глаза, худой, как спичка. Учит Станиславского и Чехова. Столкнулись на переходе, у которого обезумевшая бабушка каждый день травит голубей. «Я проспал. Вот опаздываю на 50 минут» — сказал Егор. Как до школы шли еще не проснувшиеся, так добрались до Театральной. Мы уже год не в школе, а высыпаться не начали.

Моя школьная подруга — шелкопряд, только в листьях не сидит. Шьет одежду и продает на Авито. Встретились у белой сирени, пристанища зябликов. Пока те доставали червячков, мы сели на трамвай и поехали не в ту сторону. Спорили 20 минут, ходили ли актеры античной трагедии на котурнах, длинных сандалиях. Меня убеждали, что их изобрели в Испании, в середине 17 века. Отвечу так на экзамене по античной литературе и отправлюсь на пересдачу. Вечерами Кристина сидит с нитками, колит на манекене сборки, рисует коллекции, вдохновленные «Дюной». Все дизайнеры должны быть в форме. Поэтому утром пятницы бегают по набережной у парка Горького.

И писатели куда-то торопятся. Синицы волнообразно перелетают улицы. Вот и я так же — от дома до Пушкина. Мой сверстник стал чувствовать

время — хорошо бегают по эскалаторам. Ведь если опоздаешь, стой и пиши за дверью.

Мой сверстник стал сохранять память. Вдруг стало важно: прабабушка готовила самый вкусный форшмак и наполеон. Ходила с длинными волосами, в кружевах, носила бусы и длинные юбки до 95 лет. Дома висят тотемные маски и завалялся «Витек».

Бабушка создала семейное дерево — на трех страницах схемы, вплоть от Адама и Евы. И я стала говорить с родными, собирать письма, искать в архивах. Прадедушку по отцовской линии расстреляли, прабабушка числится пропавшей, но скорее всего умерла в лагерях. Бабушка воспитывалась в семье дяди и тети. По маме прадедушка попал под военный трибунал в 39-м году, провёл на исправительных работах восемь лет. Братья прадедушки из Одессы, раскулачены. Мой сверстник едет в метро, сжался как агнец. На Таганской кто-то подносит цветы. А мой сверстник глаза закрывает.

Бабушка говорила, жемчуга любят воду. Глаза ее блестят, когда видят милую внучку. Столько нежности и любви! Я все еще в школе, мне советуют поступать на инженера и объясняют формулы. Так бы смотрели фотографии и перебирали украшения. Но наступает ночь, по телефону не отвечают. Дома бабуля сидит в темноте на кухне с сумой — в пакете лечебная мазь, бумага и расческа. «Как вы могли?», «Вы меня бросили...» — слезы катятся. В газете АИФ сделали рекламу таблеток для пожилых с деменцией, с некорректной подписью о стариковской ненужности.

Мой сверстник, по-прежнему, «солнце». А потом накрапывает, накрапывает — стучат капли.

Мой сверстник читает молитву и плачет. Мой сверстник все, как и прежде, откладывает на потом, все пишет.

Мой сверстник бежит в институт. А там его ждёт Герцен. На стене в полный рост Горький, заглядывает в аудиторию. Мой сверстник пересдал античную литературу на третий раз, помолился Николаю Чудотворцу — помогло.

Мой сверстник сидит у лампы среди испачканной бумаги. Книги насиживает кот. Мой сверстник листает Фета, в окне замирает луна. Мой сверстник читал Гомера и считал корабли. Так моего сверстника сдул Феб.

Мой сверстник ждёт когда зазвонят колокола и можно будет выдохнуть. Все в тумане и рыжей осоке. И что-то звенит протяжно, гулко.

А потом будет утро. И сверстник проснется невинной овечкой, отправится к пастухам, что живут в идиллиях. Потом воспитает Дафниса или Хлою.

Мой сверстник обошел почти всю Москву, прямо от Курской до Кремля. Садился на электричку и ехал до Петушков. Но оказывался на Марьиной роще, в сквере. Там Веничка, рельсы, женщина с длинной косой. Там кто-то пьет водку и лежит в забытых кошелек.

Мор сверстники собираются на Арбате. Там книги по 50 рублей. Гоголь сидит, призадумался, Окуджава засунул руки в карманы и куда-то идет. Над ними растущий месяц. И сердце — даром.